

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128-162

Научная статья / Research paper

И.Э. Магадеев*

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И БАЛАНС СИЛ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1922 Г.: ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННЫХ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Процесс консолидации Советского государства в 1922 г. и активность советской дипломатии на важнейших международных форумах имели прямые последствия для стратегической ситуации в Европе. Эвентуальное усиление Советской России/СССР стало одновременно угрозой и возможностью для Франции как одной из ведущих европейских держав того периода, имевшей обязательства и интересы в Центрально-Восточной Европе. Автор статьи ставит цель выявить ключевые оценки французских дипломатов и военных по комплексу вопросов, связанных с судьбами Советской России в 1922 г. и ее местом в европейском балансе сил. Исследование основано на малоиспользованных в отечественной и зарубежной историографии материалах из Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики, а также на относительно недавно опубликованных французских дипломатических и военных документах. Автор приходит к выводу, что ход и промежуточные итоги политической консолидации и социально-экономического развития Страны Советов оценивались французскими элитами весьма неоднозначно. С одной стороны, образование СССР стало одним из очевидных проявлений процесса укрепления советской власти, несколько ослабив надежды французских официальных лиц на скорое падение большевиков. В то же время дипломаты и военные в Париже и на местах нередко скептически оценивали перспективы развития советской

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

экономики, констатировали катастрофические последствия голода, хозяйственной и финансовой разрухи. Умеренный оптимизм по поводу возможностей активизировать торгово-экономические контакты с Советской Россией на фоне постепенного восстановления последней сосуществовал с выраженным пессимизмом. Такой же амбивалентностью характеризовались и французские оценки военного потенциала Советского государства. Констатация текущей ограниченности возможностей Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота соседствовала с признанием того, что основания для развития военной мощи Советского государства не были подорваны. В связи с этим международно-политические позиции Москвы в дальнейшем могли укрепиться, что отразилось бы на балансе сил в Европе. В этих условиях во французских элитах шли споры относительно перспектив «нормализации» большевистского режима и его встраивания в Версальский порядок. Все эти противоречивые установки, взгляды и оценки, ярко очерченные в 1922 г., в значительной мере предопределили общее направление и конкретное наполнение французской политики в отношении СССР и в последующие годы.

Ключевые слова: Франция, Советская Россия, баланс сил, Центрально-Восточная Европа, Версальский порядок, европейская безопасность, Красная армия, санитарный кордон, политика мирного сосуществования.

Для цитирования: Магадеев И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 128–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128-162.

Iskander E. Magadeev

**FRENCH DIPLOMATS AND THE MILITARY
ON SOVIET RUSSIA AND THE BALANCE OF POWER
IN CENTRAL-EASTERN EUROPE IN 1922**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

The consolidation of the Soviet state in 1922 and the activities of Soviet diplomacy in the key international forums had a direct impact on the strategic situation in Europe. The eventual strengthening of Soviet Russia/the USSR was both

a threat and an opportunity for France as one of the leading European powers of that period, which had obligations and interests in Central and Eastern Europe. The author aims to identify the main approaches of French diplomats and the military to a set of issues related to the possible development of Soviet Russia in 1922 and its place in the European balance of power. The study is based on a wide range of primary sources from the Diplomatic Archives of the Ministry of Europe and Foreign Affairs of France, the National Archives of France, the Historical Service of the Ministry of the Armed Forces of the Fifth Republic, as well as on recently published French diplomatic and military documents. The author concludes that the French elites had a rather ambiguous attitude towards the process and the first results of political consolidation and socio-economic development of the Soviet state. On the one hand, the formation of the USSR was an obvious manifestation of the growing Soviet power that somewhat diminished the hopes of French officials for the imminent fall of the Bolsheviks. At the same time, diplomats and the military both in Paris and on-site were often skeptical about the prospects for the development of the Soviet economy, noting the catastrophic consequences of hunger, economic and financial ruin. Moderate optimism about the opportunity to intensify trade and economic contacts with Soviet Russia as its economy recovers coexisted with pronounced pessimism. The French assessments of the military potential of the Soviet state were marked by the same ambivalence. The acknowledgement of the current limited capabilities of the Red Army and the Red Fleet was accompanied by the growing recognition that the basis of the military power of the Soviet state had not been undermined. All this could help Moscow improve its international stance in the future, which would inevitably affect the balance of power in Europe. Under these circumstances, the French elites debated the prospects for the 'normalization' of the Bolshevik regime and its incorporation into the Versailles order. The author argues that all these contradictory attitudes, views and assessments that surfaced in 1922 to a large extent predetermined the overall direction and specific content of the French policy towards the USSR in the following years.

Keywords: France, Soviet Russia, balance of power, East Central Europe, Versailles order, European security, Red Army, cordon sanitaire, peaceful co-existence policy.

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

For citation: Magadeev I.E. 2022. French diplomats and the military on Soviet Russia and the balance of power in Central-Eastern Europe in 1922. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 128–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128–162. (In Russ.)

1922 год стал одним из поворотных в развитии международных отношений в Европе в период, последовавший за окончанием Первой мировой войны, в том числе ввиду происходившей тогда трансформации баланса сил. Позиции советских республик, образовавших в декабре 1922 г. СССР, укрепились по сравнению с прошлым. В них наметилось частичное улучшение экономического положения, контроль со стороны новых властей над внутривнутриполитической ситуацией стал более плотным, расширились международные связи Москвы, советская дипломатия была представлена на ряде важнейших международных форумов (Генуэзской, Гаагской, Лозаннской конференциях) [Сергеев, 2019: 371–432; Хормач, 2020: 69–124, 181–228]. Относительная консолидация Страны Советов имела прямые последствия для стратегической ситуации в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, опосредованно влияя на военно-политическое положение и на Западе континента.

В начале 1920-х годов Франция занимала крайне важное место в европейском балансе сил. Оно было обусловлено не только статусом одной из ключевых держав-победительниц Первой мировой войны, но и силой ее армии (численность в Европе в 1920 г. составляла 608 тыс. человек) [Histoire militaire..., 1992: 307], а также мощью военно-промышленного комплекса, масштабом накопленных за годы войны вооружений. Указанные факторы не только обеспечивали превосходство Третьей республики над Германией, но и были факторами общеевропейского значения.

Их роль была очевидна в Центрально-Восточной Европе, в том числе ввиду существования с февраля 1921 г. франко-польского «альянса» (исследователи дискутируют, насколько данный термин применим к зафиксированным тогда взаимным обязательствам Парижа и Москвы) [Враг, противник, союзник..., 2021b: 88]. Учитывая напряженность в отношениях Москвы и Варшавы, сохранившуюся даже после заключения Рижского мирного договора 1921 г., Кремль всерьез опасался, что Франция, а также Великобритания могут оказаться самыми различными способами вовлечены в новый эвентуальный советско-польский конфликт [Магадеев, 2015]. Обострение франко-германского взаимодействия на протяжении 1922 г., кульминацией которого стал ввод франко-бельгийских войск в Рур в январе 1923 г., сказалось в свою очередь и на Востоке Европы, увеличив риск конфликта СССР с лимитрофами.

Цель статьи — выявить ключевые оценки французских дипломатов и военных по комплексу взаимосвязанных вопросов, связанных с судьбами Советской России в 1922 г. и ее местом в европейском балансе сил. Среди основных вопросов можно выделить следующие: какое место Страна Советов занимала в представлениях Парижа о системе европейской безопасности? Как дипломаты и военные Третьей республики оценивали военно-политическое и экономическое состояние Советской России? Каковы, с точки зрения французских экспертов, были сильные и слабые стороны СССР, а также перспективы развития советской власти и государства? Наконец, продолжала ли Советская Россия восприниматься как революционное государство или наблюдались тенденции к ее «нормализации»?

Ответы на поставленные вопросы позволяют оценить, как процесс консолидации Советского государства в 1922 г. воспринимался представителями одной из наиболее могущественных европейских держав того периода, имевшей обязательства и интересы в Центрально-Восточной Европе. Автор также стремится выявить роль советского фактора в развитии иных векторов внешней политики Парижа (прежде всего германского и польского). Достижение этой задачи позволит продемонстрировать не только сложность координации Францией своих отношений с различными державами, но также очевидную и в начале 1920-х годов проблему неделимости безопасности в Европе, наличие самой тесной связи между стратегической ситуацией на Востоке и Западе континента.

В методологическом отношении автор исходит из расширительного толкования термина «баланс сил». В данном случае под ним понимается не только соотношение военных потенциалов и мощи вооруженных сил государств, но и совокупность факторов, от которых зависят реализация этого потенциала и применение армии, флота и авиации. Особое внимание обращено на следующие факторы: состояние и степень консолидации политической власти, экономическое положение страны, намерения и цели руководства. Более того, объективный баланс сил неотделим от его восприятия той или иной стороной, от характера субъективных оценок угроз, вытекающих из потенциала и намерений Другого [Jervis, 2017]. Ценным в этом смысле представляется тезис российской исследовательницы Е.В. Романовой, высказанный при обсуждении феномена стабильности в международных отношениях: «Восприятие системы как стабильной или нестабильной может меняться в зависимости от по-

зиции оценивающего ее государства. Стабильность, таким образом, предстает не только как объективное состояние системы, но и как субъективное восприятие» [Романова, 2009: 512]. Аналогичное суждение вполне применимо и при обсуждении феномена баланса сил.

Термин «Центрально-Восточная Европа», вынесенный в заглавие статьи, вслед за российским историком В.А. Зубачевским используется «в прагматических целях» [Зубачевский, 2017: 338], без идеологической нагрузки, а именно — для емкой характеристики геополитического пространства между Германией и Советским Союзом, ограниченного Балтийским морем на севере и Балканами на юге. В качестве аналогичного по смысловому наполнению в российской историографии также фигурировал термин «восточная часть Центральной Европы» [Зубачевский, 2017: 338].

Само по себе формирование СССР в декабре 1922 г., оказавшееся своего рода кульминацией более ранних политических процессов, которые протекали внутри советских республик, а также на международной арене, не стало вехой в развитии французских оценок в отношении Страны Советов. К тому же в это время французское руководство во главе с председателем Совета министров и министром иностранных дел Р. Пуанкаре было сосредоточено на подготовке к скорой оккупации Рура [Jeannesson, 1998]. Вместе с тем образование Советского Союза нередко рассматривалось в Париже как закономерный итог тех тенденций, которые французская дипломатия и разведка констатировали раньше. Более того, ряд озвученных в 1922 г. оценок и суждений применительно к Советской России/СССР нередко уходили корнями в уже сформировавшиеся представления о большевиках.

Ограничение хронологических рамок исследования преимущественно 1922 годом связано со значением последнего для эволюции европейского баланса сил, о чем говорилось выше, а также с резонами технического порядка. За счет сужения хронологического фокуса статьи автор стремился пойти «вглубь» и реконструировать достаточно полную картину французских оценок военно-политического и экономического потенциала Страны Советов, а также восприятия в Париже внутривнутриполитических процессов и перспектив развития советской власти. Подобные оценки и суждения нередко характеризовали не только текущее отношение Парижа к тем или иным процессам, связанным с Советским Союзом, но и более глубокие тенденции восприятия России. Их можно рассматривать как одно

из субъективных проявлений тех «глубинных сил», о которых размышлял французский международник П. Ренувен. Подразделяя введенное им понятие на материальные и духовные силы, к первым он относил преимущественно географические факторы, демографию, экономику и финансы, ко вторым — коллективные ментальности, психологию, общественное мнение [Renouvin, Duroselle, 1964]. В этом смысле представленная статья имеет определенную актуальность, позволяя выявить ряд фундаментальных представлений французских дипломатов и военных о России, отчасти заметных даже в первые десятилетия XXI в.

Новизна предложенного исследования связана прежде всего с привлечением ряда малоизвестных в отечественной и зарубежной историографии материалов из Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики, а также относительно недавно опубликованных французских дипломатических и военных документов. Опираясь на указанные источники, автор предпринимает попытку осветить новые аспекты и дополнить выводы ряда обобщающих работ по советско-французским отношениям периода непризнания, продолжавшегося до 1924 г. [Hogenhuis-Seliverstoff, 1981; Cœuré, 1999; Hogenhuis-Seliverstoff, 1999; Карлей, 2019; Враг, противник, союзник..., 2021a, 2021b].

Советская Россия как новый/старый фактор европейской безопасности

Несмотря на то что Октябрь 1917 г. воспринимался французскими наблюдателями пять лет спустя как очевидный рубеж в российской истории, это обстоятельство не отменяло определенных черт преемственности в том, как они оценивали место «новой России»¹ в европейском балансе сил. Симптомы того, что восприятие Страны Советов французскими деятелями как стратегического фактора в Европе характеризуется определенной преемственностью с ситуацией до 1917 г., наблюдались достаточно рано. Представление о том, что Россия может выступить потенциальным «восточным противовесом» Германии периодически встречалось в документах МИД Франции (Кэ д'Орсэ) и 2-го (разведывательного) бюро Ген-

¹ Herriot É. La Russie nouvelle. Paris: Ferenczi, 1922.

штаба французской армии в 1919–1920 гг. [Carley, 1976: 173; Враг, противник, союзник..., 2021b: 211–212]. Оно сохранялось и позднее, сосуществуя с признанием текущей слабости Советской России/СССР. К тому же в подобных оценках, как правило, подразумевалось, что речь идет не о большевистской России, а о стране после предполагаемого падения или глубокой трансформации советской власти. В этом смысле многие французские оценки существовали словно в двух измерениях: 1) в текущем, когда у власти в Москве находились большевики, а Страна Советов воспринималась как угроза; 2) в измерении теоретического будущего, когда несоветская Россия могла бы вновь стать партнером или союзником Франции. При этом непроницаемых границ между данными измерениями не было: те, кто позитивно размышлял о теоретическом будущем, были склонны призывать к налаживанию взаимодействия даже с большевиками.

В январе 1923 г. глава Русской службы МИД Франции и бывший консул в Москве Ж.Ф. Гренар полагал, что СССР «со всех сторон возвращается в европейскую и мировую политику». «Будет излишним — продолжал дипломат, — подчеркивать здесь капитальную роль России в общей политике [Франции]. Она вовлечена (и эта тенденция будет только нарастать) в вопросы, в которых затронуты наши важнейшие интересы и задействована максимальная дипломатическая активность. Мы обнаруживаем ее прежде всего в Германии, где российская позиция может иметь бесчисленные последствия; Польша, наша союзница, ведет с ней тяжелую игру; страны Балтии и Румыния уязвимы для ее ударов; славяне Центральной Европы смотрят в ее сторону; ни одна держава не является столь значимой на Черном море и в Проливах, а также в самой Турции; ее влияние распространяется на Персию, Афганистан, Центральную Азию и даже на Индию; наконец, всякий вопрос, связанный с Китайской империей и Японией, не является для нее чужим»².

О потенциальном франко-российском сотрудничестве для сдерживания Германии тогда же размышлял влиятельный глава Управления политических и торговых дел Кэ д'Орсэ граф Э. Перетти делла Рокка. Он убеждал свое руководство в том, что «нам нужна точка опоры в Европе, которую может дать только российский массив суши и с которой у нас не было бы конфликта интересов» [Карлей,

² Note de Grenard pour Peretti, 24 janvier 1923 // Documents diplomatiques français (DDF). 1923. T. 1. Paris: Peter Lang, 2010. P. 121–122.

2019: 161]. В духе, характерном для французских документов того периода, Э. Перетти писал о необходимости «союза с русским народом» [Карлей, 2019: 161]. Этой фразой дипломат намекал на то, что речь шла об альянсе не с большевиками, а с Россией в ее некоей будущей, предполагаемой ипостаси.

Отсылка со стороны Э. Перетти к «русскому народу» была характерным эвфемизмом для обозначения некоей России «помимо» большевистской власти. К тому времени практика использования подобной фразеологии уже существовала. Выражение, например, присутствовало в тексте решения Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г. о снятии блокады с Советской России (оно разрешало «обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами») [Ullman, 1968: 330]. Об определенном сохранении традиционных «ментальных карт» [Сœuigé, 2004], при котором прошлые оценки стратегической роли Российской империи накладывались на восприятие Страны Советов, говорила и другая использовавшаяся во французских дипломатических документах лексика. В них встречались, например, постоянные отсылки именно к «России», а не к советским официальным названиям государства (РСФСР, СССР и т.п.); частым было применение дореволюционной топонимики (Ревель вместо Таллина, Ковно вместо Каунаса и т.д.) [Враг, противник, союзник..., 2021b: 213].

Вместе с тем, если учесть непростое отношение многих французских деятелей к Российской империи и царившим в ней порядкам, подобную традиционализацию восприятия не всегда можно было трактовать как нечто положительное. В некоторых французских оценках СССР предстал своего рода гибридом большевизма и былых имперских традиций, что не вызывало в Париже позитивных эмоций. Сотрудник французской военной разведки подполковник Р. Бюксеншютц, например, полагал, что «если сегодняшняя Россия является еще более негостеприимной, мы должны понимать: в своей близорукой внешней политике коммунисты выступают наследниками чиновников старого режима. Они усвоили их идеи, предрассудки, наглую манеру поведения, сутяжничество и нередко — ксенофобию»³. С тезисами о сочетании в советской политике большевизма и традиций были склонны соглашаться в Генштабе

³ Note de Buchsenschutz, 30 septembre 1922 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Papiers d'agents. Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67. Fol. 38.

французской армии. Как отмечалось в одной из записок апреля 1921 г., в борьбе «против англичан, французов или поляков большевики использовали патриотические чувства и вновь объединили вокруг себя искренних патриотов прежней России» [Попова, 2000: 264].

Представление о будущей несветской России как о «восточном противовесе» Германии и факторе поддержания баланса сил в Европе (в его французском понимании) сказывалось и на дискуссиях о границах российской территории. С призывами к расчленению Страны Советов, разыгрыванию национальной и религиозной карт выступали те, кто видел в Советской России скорее союзника Германии, а не противовес ей. В январе 1922 г. на стол президента Третьей республики А. Мильерана лег текст, фиксирующий настроения одного из представителей французского военного истеблишмента — маршала Ю. Лиотэ. В этой записке отражение получили сохранявшийся среди ряда военных антисоветский настрой и даже готовность пойти на расчленение России: «Если Северная и Центральная Россия — опора правительства Советов — всё больше оказывается в орбите прусской Германии (и этому процессу очень сложно помешать), то ситуация в южных Россиях (*les Russies du Sud*) — Украине, Крыму и на других территориях — обстоит иначе. <...> Они намного меньше подвержены влиянию Германии, там проживает больше мусульман, и нельзя исключать их отделения от Севера [России]...»⁴.

В 1922 г., даже на фоне уменьшения былых надежд на антибольшевистские восстания, французская дипломатия и разведка не отказывались от контактов с представителями националистической эмиграции. Это говорило о сохранении планов по ослаблению СССР, несмотря на его потенциальную функцию противовеса Германии. Так, 10 мая Р. Пуанкаре встретился с бывшим министром иностранных дел Грузинской Демократической Республики, меньшевиком Е.П. Гегечкори и обсудил с ним положение в Грузии, в том числе, как суммируют исследователи, речь шла о «повстанческом движении, развивавшемся в стране под руководством Объединенного военного центра — подпольной структуры, выполняющей роль главного руководящего и координирующего центра антибольшевистских повстанческих ячеек и отрядов. Во время встречи Пуанкаре обещал

⁴ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // Archives Nationales de la France (AN). Sous-série 470 Archives Privées (AP). Vol. 82.

Гегечкори в случае необходимости оказать повстанцам помощь оружием, снаряжением и финансами» [Мамулия, Абуталыбов, 2014: 198].

Однако реальное французское содействие закавказской эмиграции оставалось весьма ограниченным. Как свидетельствовала записка Р. Пуанкаре от 22 августа 1922 г., адресованная военному министру Франции А. Мажино, Париж сохранял осторожность: «Способствуя организации антисоветского восстания в стране, составлявшей часть бывшей Российской империи, — писал Р. Пуанкаре, — Франция нарушит обязательства, взятые ее правительством, перед лицом общественного мнения и Советов. Советы могут вполне резонно воспринять подобные действия в качестве враждебного акта, направленного против них». Он считал, что надежды на крупные восстания в Закавказье лишены основания. Париж готов был оказывать содействие только *a posteriori*, т.е. в том случае, если грузинский народ «сам избавится от представителей большевиков»⁵.

Отчасти этот настрой французских властей улавливала советская разведка. В одном из агентурных сообщений в октябре 1922 г. говорилось о предполагаемых переговорах в Париже между представителями закавказской эмиграции и сотрудником Генштаба французской армии. В сообщении было отмечено, что французский офицер отнесся к просьбам о содействии «довольно холодно»: «...была обещана финансовая поддержка, однако на первых порах небольшая — до 5 миллионов франков, а в случае успеха восстания и до 100 миллионов франков»⁶. Еще большим скепсисом были проникнуты суждения французских дипломатов о перспективах национализма и «сепаратизма» на Украине и в Белоруссии: они во многом продолжали восприниматься как часть единого имперского пространства (в новой ипостаси), управляемого из Москвы [Recherches sur la France..., 1995]. В МИД Франции даже в октябре 1920 г., на фоне военных побед Польши в войне против Советской России, считали, что возможное присоединение белорусских земель ко Второй Речи Посполитой «чревато угрозами в будущем, поскольку сомнительно, что восстановленная Россия когда-нибудь

⁵ DDF. 1922. T. 2. Bruxelles: Peter Lang, 2008. P. 209–210.

⁶ Сообщение Н. Прокоповского, не позднее 19 октября 1922 г. // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы / Ред. колл.: В.А. Золотарёв, Я.Ф. Погоний, А.П. Белозёров и др. Т. 2. М.: Триада-X, 2001. С. 436.

его признает»⁷. Уже после подписания Рижского мирного договора 1921 г. видный член французской центристской Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов Э. Даладьё в статье от 20 апреля 1921 г. в газете «Bonsoir» критиковал соглашение. С точки зрения Э. Даладьё, в договоре не были учтены «настроения населения, которое вопреки собственной воле оказалось включено в состав Польши» [Dessberg, 2009: 26].

Опция в виде существования достаточно сильной, демократической и несоветской России, выступающей противовесом Германии на Востоке Европы, была неким отдаленным идеалом для Парижа. Однако этот идеал с трудом сочетался с реальной восточноевропейской и советской политикой Франции после окончания Первой мировой войны. Одним из ее магистральных направлений стало укрепление «санитарного кордона» — комбинации стран-лимитрофов Советской России во главе с Польшей. «Санитарный кордон» был призван выполнить тройную функцию: выступить в случае конфликта «вторым фронтом» против Германии, сдерживать распространение советского влияния (в геополитической и революционной форме) на Запад, не допустить образования советско-германской сцепки в Восточной Европе [Нові, 1975]. В Париже проявляли внимание и к потенциальному южному ответвлению «санитарного кордона» в виде кемалистской Турции, с которой Франция стремилась поддерживать весьма дружественные отношения, а также в виде закавказских государств в случае их выпадения из советской орбиты. В январе 1922 г. Ю. Лиотэ стремился убедить А. Мильерана в том, что «согласие (*entente*) [Франции] с Анкарой и Константинополем предстает как крайне важное и многообещающее обстоятельство, если за ним последует постепенное установление контроля над всеми Россиями Юга»⁸.

В Париже осознавали, что стратегические опции в отношении нынешней и будущей России, из которых исходили французские дипломаты и военные, с трудом сочетаются друг с другом. Одна требовала проведения политики «санитарного кордона», другая — «наведения мостов» во взаимодействии даже с советской властью в надежде на ее последующую трансформацию. О плохой совмести-

⁷ Note sur la Lithuanie et la Russie blanche, 19 octobre 1920 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 25–28.

⁸ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // AN. 470 AP 82.

мости этих опций говорила, например, обеспокоенность польской дипломатии в связи с визитом в РСФСР в сентябре–октябре 1922 г. председателя Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, депутата Парламента и мэра Лиона Э. Эррио [Лавренова, 2014; Враг, противник, союзник..., 2021а: 540–548]. Визит стал одной из выраженных попыток частично нормализовать отношения с большевиками. Официальная Варшава, как сообщал французский посланник Г. де Панафье, была всерьез обеспокоена потенциальным советско-французским сближением⁹. Об этих же настроениях свидетельствовала одна из бесед главы Департамента торговых отношений МИД Франции Ж. Сейду с польским посланником во Франции Ю. Веловойским в октябре 1922 г. Посланник обеспокоенно говорил о том, что французские визитеры прибывают в Москву «в большом количестве», а отношение официальных властей Третьей республики к советским торговым представителям в Париже претерпело «очевидные изменения»¹⁰.

Поставленная перед обозначенной внешнеполитической дилеммой, французская дипломатия предпочитала иметь под рукой обе опции, варьируя акцент на той или иной в зависимости от обстоятельств. Даже в июле 1920 г., в разгар советско-польской войны, во время которой Франция оказала немаловажную помощь Варшаве и всерьез опасалась прорыва Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в Центральную Европу, А. Мильеран (тогда в статусе председателя Совета министров и министра иностранных дел) не забывал о долгосрочной перспективе. Инструктируя французского дипломата Э. Дара, отправленного посланником в Мюнхен, А. Мильеран не преминул напомнить о том, что «единая Германия стала угрозой для нашей безопасности, и противовесом ей может служить только военный союз с Россией, который непросто заменить чем-то в нынешних условиях»¹¹. В феврале 1923 г., в начальной фазе Рурского кризиса, Ж. Сейду еще более остро осознавал вызовы, связанные как с текущим положением, так и с дальнейшей эволюцией баланса сил в Европе. С его точки зрения, «существование Польши в нынешнем

⁹ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 409–410.

¹⁰ Note de Seydoux, 12 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 47–48.

¹¹ Millerand à Dard, 20 juillet 1920 // DDF. 1920. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1999. P. 220.

виде с трудом совместимо с ситуацией, когда Германия и Россия восстановят свои силы и мощь»¹².

Если по вопросам «санитарного кордона» и отношениям с Москвой во французской дипломатии присутствовала двойственность, то более ясным было осознание в Париже тех сценариев, которые французские власти не хотели допустить. Прежде всего, речь шла о недопущении выстраивания «фронта» держав, негативно настроенных в отношении мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны: «Ж. Клемансо и его окружение хорошо понимали также, что две пострадавшие от войны державы, как Германия и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями» [Ачкинази, 2020: 118].

Если говорить о событиях 1922 г., то особую обеспокоенность в Париже вызвало заключение Рапалльского соглашения (16 апреля). Р. Пуанкаре и французские военные считали, что в договоре помимо опубликованных статей есть некие секретные военные клаузулы антипольского характера. На страницах дневника начальник Генштаба французской армии генерал Э. Бюа характеризовал Рапалльский договор как «бомбу», брошенную «немцами, действующими в согласии с Советами». По мнению генерала, речь шла о формировании «германо-славянского блока», причем в качестве потенциального «германского и русского диктатора» Э. Бюа, как и в 1920 г., видел немецкого военачальника Э. Людендорфа¹³. В речи, прочитанной в г. Бар-ле-Дюке 24 апреля, Р. Пуанкаре не только заклеил «германо-большевистский» договор, но и пригрозил единоличными действиями Франции против Германии в случае просрочки последней платежей по репарациям. После Рапалло французские власти активизировали планирование оккупации Рура [Враг, противник, союзник..., 2021а: 354–355]. Помимо Советской России и Германии потенциальным участником «фронта» ревизионистов могла стать кемалистская Турция. Особую обеспокоенность в Париже вызывала информация о возможных совместных действиях Москвы и Анкары в период Чанакского кризиса сентября–октября 1922 г., когда существовал риск силового прорыва кемалистов к Константинополю и Проливам [Магадеев, 2022].

¹² Note de Seydoux, 16 février 1923 // DDF. 1923. T. 1. P. 247.

¹³ Note de 18 avril 1922 // Journal du général Buat, 1914–1923 / Prés. par F. Guelton. Paris: Perrin, 2015. P. 1198–1199.

Приближающийся крах или начало восстановления?

Французские представления о состоянии советской экономики

Стратегические выкладки французских дипломатов и военных относительно места Советской России в европейском балансе сил были неразрывно связаны с тем, как они оценивали социально-экономическое состояние Страны Советов, ее военный потенциал и боеспособность вооруженных сил. Ответы на эти вопросы были важным компонентом того концептуального фундамента, на котором строились действия самого Парижа в отношении большевиков. Видение французскими аналитиками стратегической роли Советской России и представление о внутреннем положении дел в ней были двумя сторонами одной медали.

Один из общих факторов, оказывавших серьезное воздействие на восприятие в Париже ситуации в Советской России, заключался в дефиците качественной информации о событиях и процессах, происходивших к востоку от «санитарного кордона» после 1917–1918 гг. Российский дипломат-эмигрант и бывший посол во Франции В.А. Маклаков с пренебрежением писал в декабре 1922 г. о том, что «французы вообще мало знают Россию», «у них суждения прямолинейны»¹⁴. Хотя в подобной оценке весомой была роль субъективизма (В.А. Маклакову не нравились набиравшие силу в Париже представления о «нормализации» советского режима и его эволюции в сторону умеренности), всё же заочно с ней соглашались и французские представители. В июне 1923 г. военный министр А. Мажино писал о России как о «непроницаемой» с точки зрения получения оттуда проверенных и надежных сведений¹⁵. В мае 1924 г. французский посланник в Эстонии Л.М. де Вьен, считавший сбор информации об СССР одной из ключевых задач своей дипломатической миссии, продолжал сообщать о том, что получаемые им сведения о Стране Советов, «как правило, тенденциозны и противоречивы»¹⁶. Несмотря на то что французские дипломаты и военные признавали не самое высокое качество информации, получаемой ими об СССР, это не избавляло их от необходимости давать ответы на важные вопросы.

¹⁴ Маклаков — Бахметеву, 21 декабря 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 2 / Под ред. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН, 2001. С. 410.

¹⁵ Maginot à Poincaré, 11 juin 1923 // DDF. 1923. Т. 1. P. 657.

¹⁶ De Vienne à Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Т. 1. Paris: Peter Lang, 2013. P. 495–496.

Внутриполитическое и социально-экономическое положение Советской России в 1922 г. представляло крайне противоречивым. Этот тезис применим ко многим французским суждениям более раннего периода, тем не менее ситуация в год образования СССР обладала спецификой.

С одной стороны, надежды французских официальных лиц на скорое падение советской власти несколько ослабли по сравнению с прошлыми годами, и ряд деятелей в Париже предлагали сделать ставку на нормализацию торгово-экономического взаимодействия с большевиками. Эти шаги, как надеялись в Москве, могли стать прологом для дипломатического признания Страны Советов. Одним из наиболее важных симптомов подобной трансформации французских оценок стал упоминавшийся выше визит Э. Эррио в 1922 г. Именно этот политик, придя к власти в 1924 г., стимулировал установление официальных дипломатических отношений между Парижем и Москвой.

Согласно информации французской дипломатической миссии в Варшаве Э. Эррио, вернувшийся из РСФСР в Париж через польскую столицу, «не скрывал удивления от того, что видел на улицах и в театрах Москвы прилично одетых людей, богатые прилавки магазинов, заполненные посетителями рестораны, короче говоря, картины нормальной жизни»¹⁷. Схожие сведения до французских дипломатов доносил один из французских предпринимателей по фамилии Лели. Он имел давние бизнес-связи с Россией и представлял «Торгово-промышленную компанию французских инженеров России». В октябре 1922 г., вернувшись из поездки в РСФСР, Лели убеждал представителей Кэ д'Орсэ в существовании достаточно неплохих условий жизни в Москве, перспектив на грядущий урожай в стране. Он призывал стимулировать возвращение в Россию малого французского бизнеса, полагал, что Новая экономическая политика (НЭП) ведет к эволюции советского режима и отказу от «коммунистической пропаганды»¹⁸.

С другой стороны, многие французские дипломаты и военные считали, что подлинное положение дел в Советской России остается крайне плачевным и перспективы развития Страны Советов отнюдь не выглядят благоприятными. В марте 1922 г. В.А. Маклаков делился

¹⁷ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 408.

¹⁸ Note de Seydoux pour Poincaré, 16 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 50.

со своим постоянным корреспондентом, российским дипломатом-эмигрантом Б.А. Бахметевым, ощущением об упадке в Париже «веры в способность русского народа возродиться»¹⁹. Генерал Э. Бюа скептически воспринял позитивные впечатления Э. Эррио, вынесенные из поездки в РСФСР. После сообщения, сделанного мэром Лиона в декабре 1922 г. в румынской дипломатической миссии в Париже, Э. Бюа на страницах дневника намекал на субъективизм Э. Эррио: «Естественно, большевики оказывали ему повышенное внимание. Его всегда перевозили в лучших вагонах, размещали в прекрасных апартаментах, приглашали дегустировать лучшие блюда, каждый вечер предупреждали, чтобы он не забыл надеть пальто»²⁰.

Одним из авторитетных экспертов, активно участвовавших в различных мидовских и межведомственных дискуссиях о советской политике Франции, был уже упоминавшийся Ж. Сейду [Jeannesson, 2013]. Накануне Генуэзской конференции он призывал Р. Пуанкаре не ограничиваться исключительно обструкционистской политикой в отношении России «с ее бесчисленными ресурсами и огромным населением», а предложить совместно со странами Малой Антанты и Бельгией проекты «реконструкции» РСФСР. Эти проекты, с точки зрения дипломата, могли бы стать альтернативой плану британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, к которым в Париже относились с недоверием²¹.

Однако подобные умеренно-оптимистичные соображения Ж. Сейду быстро уступили место выраженному пессимизму в отношении будущего Страны Советов после провала Генуэзской конференции [Jeannesson, 2000: 415]. Записка Ж. Сейду от 24 июня 1922 г., посвященная состоянию советской экономики, отличалась весьма подробным разбором указанного вопроса. Автор основывался на относительно широкой выборке источников — от официальных сообщений Наркомата финансов РСФСР и сведений международных организаций, оказывавших содействие в борьбе с голодом в Советской России, до личных впечатлений иностранных путешественников и, как можно предположить, на информации от представителей белой эмиграции. Особое внимание Ж. Сейду обра-

¹⁹ Маклаков — Бахметеву, 25 марта 1922 г. // «Совершенно лично и доверительное!». Т. 2. С. 232.

²⁰ Note de 29 décembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1300.

²¹ Note de Seydoux pour Poincaré, 17 mars 1922 // DDF. 1922. T. 1. Bruxelles: Peter Lang, 2007. P. 368.

тил на влияние продолжавшегося голода в советских республиках²². В целом записка была проникнута глубоким пессимизмом: «...экономическая ситуация в России приближается к катастрофе, которая не может продолжаться долго». Повышая градус эмоциональности описания, Ж. Сейду отмечал «бесчисленные случаи каннибализма», писал о том, что «вся Украина южнее Харькова находится во власти ужасного голода», и предлагал сравнивать положение дел в России «с 1000-м годом», когда наблюдалась «столь же плачевная ситуация». В отличие от советской дипломатии, подчеркивавшей, что голод стал результатом «тяжелого стихийного бедствия»²³ и «периодически повторяющихся засух»²⁴, глава Департамента торговых отношений Кэ д'Орсэ считал, что причины носили рукотворный характер.

Ж. Сейду выделил два фактора, которые рассматривал в качестве определяющих: «падение производства» и «дефицит платежных средств». Как и другие дипломаты²⁵, он видел в России преимущественно аграрную страну, экспортировавшую сырье. Согласно этой логике благополучие РСФСР зависело от уровня развития сельского хозяйства и возможностей продать на внешних рынках продовольствие, нефть, уголь, руды и другие виды сырья. Ж. Сейду констатировал глубочайший кризис в ключевых секторах советской экономики. Согласно приведенным в записке данным было засеяно лишь 30% обрабатываемых земель, резко упала добыча угля (до 329 млн пудов (ок. 5,4 млн тонн)²⁶ в 1921 г. по сравнению с 1752 млн пудов (ок. 28,7 млн тонн) в 1916 г.), нефтяная промышленность деградировала «до уровня ок. 1880 г.», а добыча в ней — до 1891 г. При этом «денежный голод по своим последствиям был столь же разрушителен, как и недостаток зерна». Резко упали покупательная способность на душу населения (с 12 руб. в 1914 г. до 78 копеек) и объем бюджета (составил в реальном исчислении 1/5 или 1/6 от довоенного). В итоге Ж. Сейду считал «просто абсурдным, что Рос-

²² Note de Seydoux, 24 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 115–130.

²³ Чичерин — Литвинову, 19 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР: А.А. Громыко и др. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 275.

²⁴ Выступление Красина на Конференции по экономическому восстановлению и всеобщему миру, 12 октября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 415.

²⁵ См., например: *Mémoire* du Département, 1 juin 1922 // DDF. 1922. Т. 1. P. 668.

²⁶ Рассчитано, исходя из соотношения 1 пуд = 16, 381 кг.

сия в ее нынешнем состоянии может быть выгодным рынком для Европы. До тех пор, пока не будет восстановлено русское сельское хозяйство и не появится стабильная валюта, позволяющая торговать с прибылью, в этой стране нельзя ничего ни продать, ни купить. Всё, что мы можем получить в настоящий момент, — это кое-какое количество нефти, металлического лома, руды и угля, которые готовы к отгрузке в Баку или на Донбассе»²⁷.

В целом Ж. Сейду давал более негативную картину по сравнению с данными официальной советской статистики. Приведенные французским дипломатом цифры по добыче угля существенно отличались от информации Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР, определявшего объем добычи в 1921 г. в 515–520 млн пудов²⁸. Заниженными выглядели данные Ж. Сейду по валовому сбору зерновых в 1921 г. на территории советских республик: 1540 млн пудов *versus* 1700 млн пудов согласно советским документам [Лященко, 1956: 93]. Напротив, приведенная им оценка состояния нефтяной промышленности была близка к официальной статистике. Если объем добычи нефти в Российской империи в 1891 г. составил 276,1 млн пудов [Сумбатзаде, 1972: 10], то аналогичный показатель в 1921 г. находился на уровне 246 млн пудов²⁹. Не претендуя на определение степени достоверности официальной статистики и выявление реального состояния советского экономического развития в начале 1920-х годов, отметим лишь, что представление о советской экономике, которое существовало во французских дипломатических и экспертных кругах, отличалось пессимизмом. Нередко оно базировалось не на официальных советских данных, а на иной информации, в том числе поставляемой представителями белой эмиграции и французскими путешественниками.

О крайне нестабильной ситуации в Советской России свидетельствовали и другие французские оценки, сосредоточенные на прогнозах текущего урожая. Считалось, что пока у крестьян есть хотя бы какие-то деньги, определенный спрос на промышленные товары

²⁷ Note de Seydoux, 24 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 115–130.

²⁸ В одном сборнике ЦСУ общий объем добычи определялся в 515 798,8 тыс. пудов, в другом, чуть более позднем, — в 520 814 тыс. пудов. См.: РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. Вып. 2. М.: Б.и., 1922. С. 220; РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. Вып. 3. М.: Б.и., 1922. С. 112.

²⁹ РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. 1922. Вып. 2. С. 223; Вып. 3. С. 114.

будет существовать, однако новый неурожай мог снова разрушить товарообмен между городом и селом³⁰. Аналитики французского МИД, нередко преувеличивая, были склонны подчеркивать роль иностранных капиталов и технологий в потенциальном развитии Страны Советов. Как было отмечено во внутреннем меморандуме от 1 июня 1922 г., «восстановление России в значительной части зависит от действия, которое эта страна получит от иностранного капитала»³¹.

Таким образом, умеренный оптимизм по поводу возможностей активизировать торгово-экономические контакты с Советской Россией на фоне постепенного восстановления последней, ассоциировавшийся с Э. Эррио и некоторыми представителями французского бизнеса, сосуществовал в Париже в 1922 г. с выраженным пессимизмом. Отражением последнего были в том числе записки Ж. Сейду, к голосу которого на Кэ д'Орсэ были склонны прислушиваться.

Советские вооруженные силы в зеркале французских оценок

Анализ потенциала и текущего состояния советской экономики был важен для французских дипломатов и военных не только ввиду перспектив торговли со Страной Советов, но и в свете суждений о боеспособности РККА и Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ). Эта боеспособность, очевидно, зависела от положения дел в промышленности и сельском хозяйстве. Французские оценки по данному вопросу вновь не были единообразными и характеризовались амбивалентностью.

Дипломаты и военные Третьей республики неоднократно фиксировали достаточно слабое состояние советских вооруженных сил, которое сложно было отрицать. Согласно одному из исследователей, «в 20-е гг. Красной армии как силы, способной обеспечить оборону страны, практически не существовало» [Минаков, 2004: 10–11].

На французские оценки относительно низкой боеспособности РККА в 1922 г. влияли различные факторы: от советских неудач в недавней войне против Польши до состояния советской экономики и инфраструктуры, питавших сухопутные силы. Возвращаясь к событиям 1920 г., Г. де Панафье писал об РККА почти в пренебрежительном тоне: «...в августе и сентябре прошлого года большевистская

³⁰ Note de Seydoux, 7 octobre 1922; Note de Seydoux pour Poincaré, 16 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 44, 54.

³¹ DDF. 1922. T. 1. P. 668.

армия продемонстрировала свою полную неспособность осуществить крупномасштабное наступление. Разглагольствования “Правды” и непримиримое поведение [полпреда РСФСР Л.М.] Карахана в Варшаве никого не обманут. Вся Европа знает о том, что правительство Советов находится в плену непреодолимых экономических проблем, а плачевное состояние средств коммуникации в стране и невыразимый дефицит припасов не позволят реализовать крупное перемещение войск»³². В мае 1922 г. французский военный атташе в Великобритании генерал А. де ля Пануз был склонен соглашаться с данными британской разведки, в которых боеспособность Красной армии оценивалась невысоко. Развертывание советских войск, как считалось, могло быть осуществлено лишь медленными темпами, что успокаивало британцев на счет возможного неожиданного нападения Советской России, поскольку признаки его подготовки были бы заметны заранее. Система транспортных коммуникаций рассматривалась как находившаяся в плачевном состоянии, а уровень военного производства — как недостаточный для начала эвентуальной агрессии³³.

Состояние железнодорожной инфраструктуры — фактора, имевшего очевидное стратегическое значение, — было для французских военных одним из показателей того, на что способна РККА. В сентябре 1922 г. в кругах 2-го бюро Генштаба французской армии была составлена специальная справка по данному вопросу, пошедшая «по инстанциям» наверх (ее текст отложился в том числе среди бумаг президента А. Мильерана). Авторитетности документу добавляло то обстоятельство, что его автором выступил один из наиболее опытных французских разведчиков, работавших на российском/советском направлении, — уже упоминавшийся подполковник Р. Бюксеншютц. Ранее, в 1915–1917 гг., он был главой французского разведывательного бюро при Главном управлении Генштаба Русской императорской армии и помощником военного атташе Франции, пробыв в России почти три года — «больше, чем кто-либо из французских офицеров за время [Первой мировой] войны» [Павлов, Гельтон, 2019: 212]. В указанной справке Р. Бюксеншютц подчеркнул, что «на самом деле [советские] железные дороги плачевно функцио-

³² Panafieu à Briand, 24 novembre 1921 // DDF. 1921. T. 2. Bruxelles: Peter Lang, 2005. P. 615.

³³ La Panouse à Maginot, 31 mai 1922 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT), 7N 2794.

нируют, поскольку им не хватает всего». Подполковник считал почти бессмысленными даже дорогостоящие попытки решить проблему за счет импорта. С его точки зрения, советские закупки локомотивов за рубежом не принесли большой пользы, поскольку те не могли нормально функционировать ввиду недостатка топлива и неподходящей конфигурации (слишком большая масса локомотивов). Как итог, «российские железнодорожники сражаются в крайне плачевных условиях за поддержание железных дорог в функционирующем состоянии»³⁴.

Очевидно, что подобное состояние инфраструктуры ограничивало оперативно-стратегические возможности Красной армии. Даже Э. Эррио, констатировавший улучшение экономической ситуации в РСФСР, полагал, что реальная боеспособность РККА остается крайне низкой³⁵. Авторитетный маршал Ф. Фош в сентябре 1922 г. стремился убедить польских военных в том, что основные силы Польши должны быть сосредоточены против Германии, а не Советской России. Последняя, с точки зрения маршала, «на протяжении достаточно долгого времени будет противником, которого стоит рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку он не представляет непосредственной угрозы. <...> Несколько дивизий [на восточной границе Польши] будет достаточно, да и эти дивизии следует как можно быстрее заменить резервными соединениями»³⁶.

И всё же говорить о полной успокоенности французской разведки и дипломатии в отношении советских вооруженных сил не приходилось. Констатация их текущей слабости соседствовала с опасениями по поводу будущего развития, причем особое значение придавалось потенциальному и реальному германскому содействию в модернизации Красной армии и флота. В сентябре 1922 г. Ж.Ф. Гренар констатировал постепенный прогресс в развитии РККА. Он сообщал своему руководству об «общей реорганизации Красной армии, которая идет уже 2–3 месяца. Ее целью является сокращение численности, исходя из резонансов военно-технического и экономического характера. Численность пехоты сокращают, усиливают пулеметные части при сохранении численности артиллерии. Дивизия теперь состоит из трех полков вместо трех бригад, сохраняя былую артиллерию.

³⁴ Note de Buchsensschutz, 30 septembre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 35.

³⁵ Note de 29 décembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1300.

³⁶ Note de 20 septembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1243.

В итоге организация армии приближается к французской модели»³⁷. Последнюю мысль можно было расценивать как специфическую форму похвалы, хотя сами советские военачальники вряд ли бы с ней согласились. М.Н. Тухачевский писал в 1923 г. о «дымке какой-то пассивной вялости», окутавшей французские директивные документы по тактике ведения боя, которые не рассматривались как истина в последней инстанции³⁸.

Другие сведения, поступавшие к Ж.Ф. Гренару, указывали на то, что обозначенный им процесс трансформации Красной армии мог быть связан с доктринальным влиянием, исходившим от рейхсвера. Информаторы Ж.Ф. Гренара утверждали, что «немецкие советники Троцкого, в особенности генерал Бауэр» оказывали влияние на непосредственное развитие РККА, предлагая увеличить ее боеспособность за счет сокращения численности»³⁹. К 1922 г. представление о наркоме по военным делам РСФСР Л.Д. Троцком как о «германофиле» стало традиционным во французских дипломатических и разведывательных оценках. При этом любые реальные или предполагаемые проявления советско-германского военно-политического и военно-технического сотрудничества вызывали повышенную обеспокоенность в Париже [Враг, противник, союзник..., 2021а: 333–334, 351–352].

О том, что даже в период военной слабости РСФСР французские эксперты не исключали будущего усиления советских вооруженных сил, говорили их оценки в отношении РККФ — слабого звена советской военной системы в начале 1920-х годов. Аргумент о возроставшей силе Красного флота использовался как довод в пользу того, чтобы не сокращать собственное французское присутствие на Балтике. В ноябре 1922 г. посланник Франции в Швеции Л.Ш. Делаво подчеркивал в одном из своих донесений в Париж: «В тот момент, когда Германия восстанавливает свое влияние на Балтике и все говорят о ренессансе большевистского флота, было бы неосторожно с нашей стороны ухудшать собственное положение, которого мы достигли с помощью небольших авизо [класс боевых кораблей]»⁴⁰.

³⁷ Note de Grenard, 22 septembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 316.

³⁸ Тухачевский М.Н. Модные заблуждения (1923) // Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1964. С. 174.

³⁹ Note de Grenard, 21 juin 1922 // АМАЕ. 118 РААР 67. Fol. 114. По всей видимости, речь шла о полковнике М. Бауэре, приближенном к генералу Э. Людендорфу.

⁴⁰ Delavaud à Poincaré, 13 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 541, note 2.

Советская и германская «угрозы» вновь не просто шли в паре во французских оценках, а усиливали одна другую. В мае 1922 г. А. де ля Пануз передавал из Лондона сведения о предполагаемом «заключении между Германией и правительством Советов договоренностей по реорганизации [советского] флота при участии германских офицеров. Возможно, что некоторое количество немцев в настоящее время уже находится в российском флоте для приведения кораблей в должное состояние»⁴¹.

Советский политический режим: степень прочности и характер развития

В Париже хорошо понимали, что состояние советской экономики и вооруженных сил создает объективный фундамент советской мощи (пока весьма небольшой). Однако реальное использование последней зависело от политического режима и целей людей, находившихся у власти в Москве.

В 1922 г., как и раньше, французские дипломаты и военные не исключали и даже продолжали надеяться на возможные антибольшевистские выступления внутри Советской России, которые могли быть поддержаны извне силами белой эмиграции, странами-лимитрофами при содействии западных держав [Враг, противник, союзник..., 2021b: 697–702]. Однако подобные надежды были слабее, чем в предыдущие периоды. В Париже с неохотой признавали относительную стабилизацию советского режима, который, тем не менее, продолжали рассматривать как хрупкий и подверженный различного рода трансформациям.

В январе 1922 г. во французских властных кругах всё еще имела хождение информация о возможных вооруженных экспедициях белых в Советскую Россию. 10 января в сообщении из Риги посланник Д. де Мартель обратил особое внимание на фигуру полковника, князя А.П. Ливена, командовавшего ранее 5-й дивизией в составе Северо-Западной армии белых сил. Советская разведка полагала, что А.П. Ливен «пользуется большим доверием и симпатией у французов»⁴².

Князь, который, как считалось, получил от П.Н. Врангеля полномочия действовать на территориях к северо-востоку от со-

⁴¹ La Panouse à Maginot, 31 mai 1922 // SHD/DAT, 7N 2794.

⁴² Сообщение агента ВЧК, 28 сентября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. М.: Гея, Триада-Х, 1998. С. 168.

ветских границ, надеялся, что грядущей весной его силам удастся воспользоваться предполагаемыми волнениями в РСФСР: «В том, что касается тактики, — суммировал Д. де Мартель состоявшуюся беседу, — она будет заключаться в захвате большевистских складов вооружений. После того как эта задача будет решена, местное население будет организовано в банды, которые пополнятся за счет добровольцев. Первоочередной целью восстаний будет перерезать железную дорогу, ведущую из Москвы в Петроград». Д. де Мартель считал план нереалистичным и не верил в поддержку действий белых со стороны местного населения. Однако дипломат не стал отговаривать А.П. Ливена и сделал из беседы вывод о том, что «генерал Врангель не отказался от надежд возобновить борьбу против большевиков». Последняя фраза была подчеркнута в экземпляре донесения, отложившегося среди бумаг А. Мильерана, что свидетельство о внимании президента к ней⁴³. В упоминавшейся выше записке Ю. Лиотэ, которая примерно тогда же, в январе 1922 г., легла на стол А. Мильерана, выраженный антисоветский настрой маршала и призывы к расчленению России соседствовали с идеей о необходимости применить более изощренные методы, нежели вооруженные интервенции. С точки зрения маршала, надо было действовать «не с помощью авантюры в духе Врангеля, но за счет экономической политики, пропаганды и всей совокупности средств, которые можно найти»⁴⁴.

На протяжении 1922 г. к голосу активных интервенционистов и адептов идеи о скором падении советской власти из среды белой эмиграции в Париже прислушивались всё меньше. Уже в марте В.А. Маклаков отмечал «перемену французского настроения» в отношении большевиков. Дипломат считал, что эта трансформация «тем опаснее, что исходит от Пуанкаре, человека независимого, а с другой [стороны] консервативного, который таким образом дает мерило тому, где идет срединная линия французских настроений. Это еще больше сбивает с толку нашу эмиграцию...»⁴⁵. Показательным было ухудшившееся отношение французских деятелей к эсеру Б.А. Савинкову, одному из наиболее активных сторонников стимулирования антибольшевистских восстаний в советских республи-

⁴³ Martel à Briand, 10 janvier 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 39–40.

⁴⁴ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // AN. 470 AP. Vol. 82.

⁴⁵ Маклаков — Бахметеву, 31 марта 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 236.

ках. В мае 1922 г., вскоре после личной встречи с Б.А. Савинковым, В.А. Маклаков отметил, что его собеседник «остался сейчас без помощи» своих бывших патронов, в том числе французского политика Л. Барту, «с которым [эсер] когда-то очень дружил во Франции. Тот период, когда Савинков мог изображать себя в Европе главой зеленого движения и настаивать на том, чтобы разговаривали с ним в качестве такового, по-видимому, завершился»⁴⁶.

На Кэ д'Орсэ были осведомлены о недовольстве действиями официального Парижа в кругах антисоветской эмиграции. В неподписанной записке от 1 июня 1922 г. были суммированы сведения о положении дел в Советской России, поступившие в МИД Франции от эсеров. Последние «очень живо выражают свое сожаление по поводу того, что шефы французского правительства, [принимая те или иные решения], не устраивают предварительные консультации с главными представителями российской демократии. Последние всегда были самыми твердыми сторонниками Антанты; благодаря своим прямым связям с народными массами в России они всегда могут предоставить полезные сведения»⁴⁷.

Если надежды французских дипломатов и военных на скорое падение власти большевиков явно пошли на спад, то в 1922 г. несколько усилилась тенденция иного рода — размышлять о возможной внутренней эволюции и «нормализации» советского режима. Подобные идеи существовали и раньше. О том, что большевизм вступил «на путь эволюции», во 2-м бюро Генштаба французской армии говорили, например, еще в октябре 1920 г. [Vidal, 2015: 49]. Такие оценки стали более активно циркулировать в Париже после начала НЭПа в 1921 г. Как правило, подобные тезисы озвучивали те французские деятели, которые выступали за наведение мостов в отношениях с Москвой.

Автор неподписанной записки от 28 января 1922 г. (возможно, Ж.Ф. Гренар), отправленной руководству МИД Франции и А. Мильерану, подчеркивал, «что лидеры большевиков говорят об изменениях, происходящих сейчас в России, как об изменении тактики. В реальности мы находимся перед новой революцией, не менее серьезной и не менее глубокой, чем в 1917 г. Россия не перестает удивлять

⁴⁶ Маклаков — Бахметеву, 3 мая 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 300–301.

⁴⁷ Note 'Situation politique en Russie. Point de vue du parti socialiste-révolutionnaire russe de droite', 1 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 97.

мир»⁴⁸. Автор указанной записки не был одинок. 3 мая 1922 г. «квалифицированный и надежный информатор» французской военной разведки в Будапеште сообщал том, что «налицо эволюция большевизма» [Попова, 1996: 59]. В схожем духе высказывался Э. Эррио. Суммируя его позицию, Г. де Панафье сообщал, что, с точки зрения мэра Лиона, «в России коммунистические идеи пережили глубокую эволюцию и, почти забытые, в настоящий момент находятся на грани исчезновения. Настрой комиссаров, с которыми он беседовал, — [заместитель председателя СНК РСФСР Л.Б.] Каменев, [кандидат в члены Политбюро Н.И.] Бухарин, [заместитель наркома финансов Г.Я.] Сокольников и даже Троцкий, — показался ему далеким от идей о возвращении к интегральному марксизму (именно они вдохновляли известные декреты 1917 г. о национализации). Г-н Эррио не скрывал своего восхищения перед познаниями, политической зрелостью, способностями и даже здравым смыслом и умеренностью многих [большевиков], в особенности — Троцкого»⁴⁹. Даже Д. де Мартель, не склонный идеализировать ситуацию в СССР, полагал в январе 1923 г., что советское руководство «эволюционирует в сторону возвращения если не в поступках, то хотя бы на уровне риторики, к капитализму...»⁵⁰.

Однако говорить о повсеместном распространении таких суждений во французских властных кругах не приходилось. По-своему примечательным был тот факт, что процитированный выше пассаж записки от 28 января 1922 г., экземпляр которой отложился среди бумаг А. Мильерана, был перечеркнут⁵¹. Президент Третьей республики, известный своим жестким антисоветским настроением, явно не был согласен с подобными тезисами. Мысль об эволюции советской власти не разделял и Р. Бюксеншютц. В сентябре 1922 г. он писал: «Ничто не позволяет ожидать в краткосрочной перспективе политических изменений в России, несмотря на экономические проблемы, которые будут лишь усугублены в случае новых потрясений»⁵².

Схожие выводы содержались и в другой входящей информации, аккумулируемой в Париже. Стремление различных представителей белой эмиграции убедить французские власти в том, что об эволю-

⁴⁸ Note de Service, 28 janvier 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 65.

⁴⁹ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDE. 1922. T. 2. P. 408.

⁵⁰ Note de 29 janvier 1923 // Journal du général Buat. P. 1331.

⁵¹ AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 65.

⁵² Note de Buchsensschutz, 30 septembre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 36.

ции и «нормализации» советской власти речи не шло, было вполне понятным. В.А. Маклаков полагал, что французы, считавшие, будто «большевики эволюционируют», отличались «безграничным легкомыслием и невежеством»⁵³. В марте 1923 г. на заседании парижской группы партии кадетов его участники позитивно оценили настрой А. Мильерана. Они рассматривали президента Третьей республики в качестве преграды на пути налаживания отношений между Францией и СССР⁵⁴. Более неожиданным оказался источник сведений, поступивших в январе 1922 г. от З.А. Пешкова — французского майора с примечательной судьбой, являвшегося крестником А.М. Горького и братом Я.М. Свердлова [Dubosclard, 2001]. В записке З.А. Пешкова, которая легла на стол А. Мильерана, были суммированы мысли А.М. Горького, изложенные в его недавних беседах с крестником на территории Германии. Оценки А.М. Горького мало соответствовали шаблонному образу «буревестника революции»: «...положение дел [в Советской России] еще хуже, чем представляют в Европе, и оно ухудшается с каждым днем. <...> Если они [большевики] даже получают от Европы финансовую и экономическую помощь, которую запрашивают, у них не получится использовать ее по назначению <...>. Те, кто полагают, что большевики способны к эволюции, ошибаются...» А.М. Горький, согласно донесению З.А. Пешкова, даже говорил о том, что «Ленин провел почти всю свою жизнь за границей. Он совсем не знает своей страны...»⁵⁵.

Приведенные выше размышления Э. Эррио о настрое различных народных комиссаров в Москве демонстрировали, что идеи о внутренней эволюции советского режима были тесно связаны с представлениями французских деятелей о роли конкретных лидеров большевиков и раскладе политических сил в Кремле. Заметная в суждениях мэра Лиона тенденция искать некое «умеренное» крыло среди представителей советской власти существовала и раньше. В декабре 1921 г. не кто иной, как председатель Совета министров и

⁵³ Маклаков — Бахметеву, 5 апреля 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 247.

⁵⁴ Протокол заседания парижской демократической группы Партии народной свободы, 5 марта 1923 г. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии / Ред. совет: О.В. Волобуев и др. Т. 6. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 72.

⁵⁵ Note du Ministère des Affaires étrangères 'Impressions de Gorky sur la situation en Russie', 5 janvier 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 37–38.

министр иностранных дел Франции А. Бриан, относил к этому крылу В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, надеясь на их шаги по частичному признанию «царских долгов»⁵⁶. Несколькими месяцами ранее французский социалист Ж. Лонге, находившийся в другом политическом лагере, чем А. Бриан, мыслил в схожем ключе. Он противопоставлял действия наркома иностранных дел Г.В. Чичерина и наркома внешней торговли Л.Б. Красина «фанатикам Третьего Интернационала во главе с [Г.Е.] Зиновьевым»⁵⁷.

По такому чувствительному вопросу, как разногласия внутри большевиков, информация французской дипломатии и разведки была скудной, но они проявляли к нему повышенное внимание в 1922 г., особенно на фоне сведений об ухудшавшемся здоровье В.И. Ленина. Основываясь на информации, поступавшей из белоэмигрантских кругов, Ж.Ф. Гренар отметил в июне 1922 г.: «Подтверждено, что Ленин страдает от *tabes dorsalis* [форма нейросифилиса] в очень поздней стадии. Не может быть и речи о его выздоровлении». Тогда же Ж.Ф. Гренар наметил Л.Д. Троцкого как преемника вождя, подчеркивая, однако, что эта кандидатура встречает «сильную оппозицию»⁵⁸.

Дискуссионный вопрос о «нормализации» советской власти и влиянии «умеренного» крыла большевиков интересовал французских дипломатов и военных не только с теоретической точки зрения. Ответ на него должен был, среди прочего, указать на основы внешнеполитического планирования Москвы: продолжает ли она исходить, как нередко считалось в Париже ранее, из целей продвижения мировой революции? Или, напротив, советская внешняя политика приобретает более традиционный характер и Москва готова пойти на нормализацию отношений с западными странами, в том числе Францией? Французская дипломатия и разведчики задавались подобными вопросами отнюдь не только в 1922 г., но и много лет спустя.

* * *

Проведенный анализ различных аспектов и граней восприятия Советской России и ее места в европейском балансе сил французски-

⁵⁶ British Secretary's notes of a meeting between Lloyd George and Briand, 21 December 1921 // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1 / Ed. by W. Medlicott et al. Vol. 15. London: HMSO, 1967. P. 784.

⁵⁷ Longuet J. La politique étrangère de la Russie des Soviets // Le Populaire, 29 septembre 1921.

⁵⁸ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 113.

ми дипломатами и военными в 1922 г. позволяет сделать следующие выводы. Образование СССР стало одним из очевидных проявлений процесса укрепления советской власти, победившей в Гражданской войне. Вместе с тем ход и промежуточные итоги политической консолидации и социально-экономического развития Страны Советов не выглядели во французских оценках однозначными. Дипломаты и военные в Париже и на местах нередко скептически оценивали перспективы развития советской экономики, констатировали катастрофические последствия голода, хозяйственной и финансовой разрухи, ослабленность РККА и РККФ. Тем не менее подобное видение текущей ситуации в целом ряде случаев сосуществовало с пониманием, что основания для развития мощи Советского государства не были подорваны. Это обстоятельство, как полагали многие дипломаты и военные, могло в дальнейшем укрепить военно-политические позиции Москвы в Европе, оно же стимулировало французский бизнес не оставлять российский рынок своим западным конкурентам.

Эвентуальное усиление Советской России/СССР было для Парижа одновременно угрозой и возможностью. Исход зависел от целого ряда факторов, многие из которых были малопредсказуемы. Вариант несоветской, достаточно сильной России, выступающей «восточным противовесом» Германии и имеющей рабочее взаимодействие со странами-лимитрофами, был одним из наиболее предпочтительных для французских дипломатов и военных. Одной из предпосылок для его осуществления, пусть это и редко озвучивалось в эксплицитной форме, было падение советской власти или, что казалось более реалистичным в условиях 1922 г., ее эволюция и «нормализация». Под последними, как правило, понимались отход от проведения радикальных реформ внутри и от экспорта революции вовне, переход к налаживанию взаимодействия с западными странами.

Подобные размышления теоретического порядка были обращены в будущее, хотя отчасти влияли на некоторые текущие настроения ряда французских деятелей, выступавших с идеей наведения мостов во взаимодействии с Москвой. Французская дипломатия, сохраняя указанную опцию «про запас» и не исключая ее задействования при определенных обстоятельствах, всё же пока делала ставку на другую стратегию. В ее рамках Советская Россия/СССР воспринималась преимущественно как угроза и риск для баланса сил в Европе. Краеугольными камнями этой стратегии выступали ослабление Германии, недопущение образования «фронта» ревизионистов и

«оси» Берлин — Москва — Анкара, поддержка стран «санитарного кордона» во главе с Польшей. Но если стремление к вариативности и сохранению различных внешнеполитических опций по-своему было понятно и разумно, оно всё же не могло застраховать французское руководство от рисков несоординированности и внутренней противоречивости собственной дипломатии, от необходимости рано или поздно сделать трудный выбор в пользу того или иного варианта военно-политической стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкинази Б.А. Проблема безопасности Франции после окончания Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 3. С. 107–129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9.
2. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб.: РХГА, 2021.
3. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 2. СПб.: РХГА, 2021.
4. Зубачевский В.А. Политика СССР в Центрально-Восточной Европе (1924–1925 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность / Отв. ред. И.Н. Новикова и др. СПб.: РХГА, 2017. С. 337–350.
5. Карлей М. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М.: Ист-Лит, 2019.
6. Лавренова А.В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68.
7. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
8. Магадеев И.Э. Франция в советских стратегических оценках (1920–1924 гг.) // Российские и славянские исследования / Отв. ред. А.П. Сальков. Вып. 10. Минск: БГУ, 2015. С. 192–196.
9. Магадеев И.Э. «Французский фактор» в развитии Чанакского кризиса (сентябрь–октябрь 1922 г.) // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4.
10. Мамулиа Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Баку: CBS, 2014.
11. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М.: Русское слово, 2004.
12. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019.

13. Попова С.С. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 41–70.

14. Попова С.С. Франция и большевистская Россия (1917–1921). Документы из Архива Военного министерства Франции // Россия и Франция XVIII–XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 253–269.

15. Романова Е.В. Структурные факторы системной стабильности // Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Издательство МГУ, 2009. С. 511–545.

16. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

17. Сумбатзаде А.С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М.: Наука, 1972.

18. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.

19. Carley M.J. The politics of Anti-Bolshevism: The French government and the Russo-Polish war, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. No. 1. P. 163–189.

20. Cœuré S. La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique. Paris: Éditions du Seuil, 1999.

21. Cœuré S. La langue russe et la 'carte mentale' de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2004. Vol. 76. No. 1. P. 27–33.

22. Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009.

23. Dubosclard A. 'Commandant' Pechkoff (1884–1966). De l'armée à la diplomatie au service des intérêts français // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2001. No. 2–3. P. 243–254. DOI: 10.3917/gmcc.202.0243.

24. Histoire militaire de la France / Ed. by A. Corvisier. Vol. 3. Paris: PUF, 1992.

25. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981.

26. Hogenhuis-Seliverstoff A. La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1999. No. 193. P. 117–130.

27. Hovi K. Cordon sanitaire or barrière de l'est? The emergence of the French Eastern European alliance policy, 1917–1919. Turku: Turun yliopisto, 1975.

28. Jeannesson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928) // *Histoire, économie et société*. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 411–429.

29. Jeannesson S. Jacques Seydoux, diplomate (1870–1929). Paris: Presses universitaires Paris-Sorbonne, 2013.

30. Jeannesson S. Poincaré, la France et la Ruhr (1922–1924). Histoire d'une occupation. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 1998.

31. Jervis R. Perception and misperception in international politics. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2017.

32. Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la Première Guerre mondiale (Pologne, Lituanie, Ukraine) / G.-H. Soutou. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 1995.

33. Renouvin P., Duroselle J.-B. Introduction a l'histoire des relations internationales. Paris: A. Collin, 1964.

34. Ullman J.R. Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1968.

35. Vidal G. Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2015.

REFERENCES

1. Atchkinasi B.A. 2020. Problema bezopasnosti Frantsii posle okonchaniya Pervoi mirovoi voiny [Problem of France's security after the end of the First World War]. *Modern and Contemporary History*, vol. 64, no. 3, pp. 107–129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9. (In Russ.)

2. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021a. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, rival or ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924], vol. 1. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

3. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021b. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, rival or ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924], vol. 2. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

4. Zubachevskii V.A. 2017. Politika SSSR v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (1924–1925 gg.) [Soviet policy in Central-Eastern Europe (1924–1925)]. In: Novikova I.N. et al. (eds.). *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [First World War, Versailles system and contemporary world]. Saint Petersburg, RHGA Publ., pp. 337–350. (In Russ.)

5. Carley M.J. 2014. *Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield [Russ. ed.: Karlei M. Tainaya voyna: Zapad protiv Rossii, 1917–1930. Moscow, Istlit Publ.].

6. Lavrenova A.V. 2014. Poezdka Eduarda Errio v Sovetskuyu Rossiyu v 1922 godu (po novym arkhivnym materialam) [Édouard Herriot's trip to Soviet Russia in 1922 (on new archival documents)]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 57–68. (In Russ.)

7. Lyashchenko P.I. 1956. *Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR* [History of the national economy of the USSR], vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2015. Frantsiya v sovetskikh strategicheskikh otsenkakh (1920–1924 gg.) [France in the Soviet strategic estimates (1920–1924)]. In: Sal'kov A.P. (ed.). *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic studies], vol. 10. Minsk, BGU Publ., pp. 192–196. (In Russ.)

9. Magadeev I.E. 2022. 'Frantsuzskii faktor' v razvitii Chanakskogo krizisa (sentyabr'–oktyabr' 1922 g.) ['French factor' and dynamics of the Chanak crisis (September–October 1922)]. *Vostok (Oriens)*, no. 1, pp. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4. (In Russ.)

10. Mamulia G., Abutalybov R. 2014. *Strana ognia. V bor'be za svobodu i nezavisimost'*. *Politicheskaya istoriya azerbaidzhanskoi emigratsii. 1920–1945 gg.* [Land of fires. Struggling for freedom and independence. Political history of the Azerbaijani emigration. 1920–1945]. Baku, CBS Publ. (In Russ.)

11. Minakov S.T. 2004. *Voennaya elita 20–30-kh godov XX veka* [Military élite of the 1920–1930s]. Moscow, 'Russkoe slovo' Publ. (In Russ.)

12. Pavlov A.Yu., Gel'ton F. 2019. *V kabinetakh i okopakh: frantsuzskie voennye missii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [In the cabinets and the trenches: French military missions in Russia during the First World War]. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

13. Popova S.S. 1996. 'Oni gotovy vozobnovit' bor'bu': Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg. ['They are ready to resume the battle': The War ministry and the MFA of France about the White emigration in Hungary. 1920–1921]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 1, pp. 41–70. (In Russ.)

14. Popova S.S. 2000. Frantsiya i bol'shevistskaya Rossiya (1917–1921). Dokumenty iz Arkhiva Voennogo ministerstva Frantsii [France and the Bolshevik Russia (1917–1921). Documents from archives of the French War ministry]. In: Cherkasov P.P. (ed.). *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX veka* [Russia and France, 18th–20th centuries], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., pp. 253–269. (In Russ.)

15. Romanova E.V. 2009. Strukturnye faktory sistemnoi stabil'nosti [Structural factors of the systemic stability]. In: Manykin A.S. (ed.). *Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Foundations of the international relations theory]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., pp. 511–545. (In Russ.)

16. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations in 1918–1924: From intervention to recognition]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

17. Sumbatzade A.S. 1972. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki pobedy Sovetskoi vlasti v Azerbaidzhane* [The establishment of the Soviet regime in Azerbaijan, its social and economic preconditions]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-h gg.* [The Soviet state at the international forums of the 1920–1930s]. Moscow, IRI RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

19. Carley M.J. 1976. The politics of Anti-Bolshevism: The French government and the Russo-Polish war, December 1919 to May 1920. *The Historical Journal*, vol. 19, no. 1, pp. 163–189.

20. Cœuré S. 1999. *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique*. Paris, Éditions du Seuil.

21. Cœuré S. 2004. La langue russe et la 'carte mentale' de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, vol. 76, no. 1, pp. 27–33.

22. Dessberg F. 2009. *Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang.

23. Dubosclard A. 2001. 'Commandant' Pechkoff (1884–1966). De l'armée à la diplomatie au service des intérêts français. *Guerres mondiales et conflits contemporains*, no. 2–3, pp. 243–254. DOI: 10.3917/gmcc.202.0243.

24. Corvisier A. (ed.). 1992. *Histoire militaire de la France*, vol. 3. Paris, PUF.

25. Hogenhuis-Seliverstoff A. 1981. *Les relations franco-soviétiques 1917–1924*. Paris, Publications de la Sorbonne.

26. Hogenhuis-Seliverstoff A. 1999. La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922. *Guerres mondiales et conflits contemporaines*, no. 193, pp. 117–130.

27. Hovi K. 1975. *Cordon sanitaire or barrière de l'est? The emergence of the French Eastern European alliance policy, 1917–1919*. Turku, Turun yliopisto.

28. Jeannesson S. 2000. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928). *Histoire, économie et société*, vol. 19, no. 3, pp. 411–429.

29. Jeannesson S. 2013. *Jacques Seydoux, diplomate (1870–1929)*. Paris, Presses universitaires Paris-Sorbonne.

30. Jeannesson S. 1998. *Poincaré, la France et la Ruhr (1922–1924). Histoire d'une occupation*. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg.

31. Jervis R. 2017. *Perception and misperception in international politics*. 2nd ed. Princeton, Princeton University Press.

32. Soutou G.-H. (ed.). 1995. *Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la Première Guerre mondiale (Pologne, Lithuanie, Ukraine)*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne.

33. Renouvin P., Duroselle J.-B. 1964. *Introduction à l'histoire des relations internationales*. Paris, A. Collin.

34. Ullman J.R. 1968. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*, vol. 2. Princeton, Princeton University Press.

35. Vidal G. 2015. *Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939*. Rennes, Presses universitaires de Rennes.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 17.11.2022

The paper was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication 17.11.2022